

Посвящаю моему мужу

Глава 1

— Саня, это тебя!

Девушка вздрогнула и поспешила закрыть кошелек. Она едва успела бросить его на стол, туда, откуда взяла. В ту же секунду в комнату заглянул Федор:

— Тебя какая-то мадам к телефону. Ты будешь с ней говорить?

— А кто это? — Саша чувствовала, что щеки у нее полыхают. Никогда в жизни она не рылась по чужим карманам и кошелькам... И вот, на двадцать восьмом году жизни, пришлось. Но парень, казалось, ничего не успел заметить. Он пожал плечами:

— Я не спросил кто. Она тебя по фамилии назвала. Так ты подойдешь или сказать, что дома нет?

Саша вышла на кухню и взяла со стола телефонную трубку. Женский голос, который она услышала, был ей незнаком.

— Мне нужна Александра Мордвинова, — сказала женщина.

— Я Мордвинова, — созналась Саша. — А вы, простите...

Закончить фразу ей не дали. Женщина напористо перебила:

— Вы меня не знаете, впрочем, я вас тоже. Знакомые мне сказали, что вы берете на реставрацию картины. Это верно?

— Я, в общем... — Саша запнулась. С самого утра ее занимали совсем другие мысли. О работе она думала меньше всего.

— Так да или нет? — уже раздраженно переспросила женщина.

— Я бы взяла, — нерешительно подтвердила Саша. — А что у вас такое?

Но женщина, не вдаваясь в подробности, сказала, что будет у нее через час, привезет картину, тогда обо всем и договорятся. Напоследок она высказала довольно странную просьбу:

— Только, я вас прошу, чтобы при этом не было посторонних.

Саша промямлила «хорошо», и абонентка отключилась. Девушка положила трубку. Спустя минуту она поймала себя на том, что все еще стоит на месте, бессмысленно уставясь в окно. То есть, в полном смысле слова — бессмысленно. Ей было так горько, что она даже мыслей своих начинала бояться. И причиной тому был вовсе не этот звонок.

— Ну, кто это звонил?

Она не ответила, продолжая смотреть в окно. Девушка слышала, как Федор шарит на полке с посудой, наливает себе воды из-под крана, жадно пьет, с грохотом ставит чашку обратно и выходит. Слушая эти звуки, она ощущала что-то совсем новое — и это была ненависть. В эту минуту Саша так его ненавидела, что хотела только одного — чтобы он ушел. И парень будто услышал ее немую просьбу — через некоторое время хлопнула входная дверь. Он не сказал, когда его ждать, не сообщил, куда пошел... Девушка помолилась про себя, чтобы он вообще не возвращался. И тут же испугалась этого желания.

Саша встретила Федора полтора года назад. Это было в Питере, где они вместе учились в Академии Худо-

ОТРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

жеств. Саша к тому времени уже заканчивала учебу и собиралась возвращаться домой, в Москву. А Федор только что поступил на отделение ваяния. Он приехал из Архангельска и при первой же встрече сообщил Саше, что в его семье все — потомственные резчики по моржовой кости. Точно так же, как у его прославленного земляка Федота Ивановича Шубина. Теперь-то Саша знала, что тут он соврал, но все же прощала его. Разве так уж важно, какие у парня были предки, если сам он несомненно талантлив.

Они познакомились в студенческой столовой, оказавшись за одним столиком. Если бы не эта случайность, вряд ли бы они вообще узнали друг о друге. Разные специализации, разные курсы, и жили они в разных частях города. Федор — на Васильевском острове, в общеаге. А Саша не только не жила в общежитии, она там вообще старалась не показываться. Грязь, теснота, тараканы, вечная неустроенность, вечные пьянки... Она снимала комнату на набережной Фонтанки. Деньги ей присылали родители из Москвы. Саша то и дело собиралась подзаработать, начать продавать свои картины на Невском... Но тут же отговаривала себя — там своих художников полно. Да и зачем заниматься ширпотребом, если и без этого можно прожить? Федор, когда услышал эти рассуждения, полностью ее поддержал:

— Куча народу вообще непонятно на что существует, и ничего! Не помирают!

Сам он тоже существовал «непонятно на что». Уж ему-то из Архангельска не присылали ни копейки. Сейчас Саша уже хорошо представляла тамошнюю обстановку. Деревянная «историческая» развалюха на Соломба-ле. Прогнившие от старости дощатые полы. Отец, давно потерявший от пьянства человеческое подобие, бывший рыбак, теперь — инвалид-пенсионер. Мать — иссохшая

женщина с опухшей щитовидкой и выкаченными яростными глазами. И жена... Да, ребенок и жена.

Но в те первые недели их знакомства ни о жене, ни о ребенке не было и речи. И вообще, родной город, по словам Федора, был чудом из чудес, и он обещал Саше, что они непременно туда отправятся. Вместе. К тому времени они уже все делали вместе. Вместе жили в комнате на Фонтанке, вместе покупали пироги с картошкой и клюквой, вместе ходили в кино и музеи. Федор был моложе ее всего на год, но Саша держала себя с ним немного покровительственно, почти по-матерински. Она и сошлась с ним больше из жалости, чем из любви. С любовью, как она думала до этого, было уже покончено.

Первую любовь она пережила и бросила еще в Москве, в последнем классе школы. Второй роман — на первом курсе Академии Художеств. Окончился он нервным срывом, известной операцией и похуданием на пять килограммов. После этого Саша пережила еще несколько увлечений — более или менее серьезных, но уже без таких зловещих последствий. И, наконец, незадолго перед тем как она встретила Федора, девушка решила бросить все эти глупости и вплотную заняться учебой, а также самой собой. Она постриглась и выкрасила в медный цвет свои от природы каштановые волосы. Впервые в жизни купила себе помаду. Как ни смешно это звучало, но все художницы почти не пользовались косметикой. А если уж пользовались, то с таким чисто русским размахом, что страшно было смотреть. Саша готовила дипломную работу, строила планы на будущее и очень мало внимания обращала на парней. Но Федор...

Он казался ей большим ребенком — наивным, нежным, неприспособленным к жизни. Даже в его внешности было что-то детское — слабо вздернутый нос, сонные синие глаза и эта вечная вопросительная улыбка. И дет-

ОТРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

ская беспечность. Деньги, когда они у него водились, Федор запихивал в самый дырявый карман, в морозы выбежал на улицу без шапки и шарфа, вечно где-то забывал ключи, куртку, сигареты, зажигалки... Но как ни странно, это не злило Сашу. Она сама была почти равнодушна и к порядку, и к деньгам. Девушка радовалась, что встретила близкую душу. Ни с одним мужчиной ей не было так легко и радостно. Он был нежен, внимателен, охотно подчинялся и, казалось, полностью попал к ней в зависимость. Кроме того, при всей своей непрактичности, Федор на удивление хорошо готовил. Саша только рот разинула, когда он за один вечер наквасил два ведра капусты, засолил горбушу и сварил щи. Сама она хозяйством почти не занималась, но тут проняло и ее. Они готовили по очереди, а когда перевод из Москвы запаздывал и не на что было сготовить настоящий обед — перебивались пирожками из кулинарии. Вместе ходили на занятия, вместе возвращались. Если у Федора занятия заканчивались раньше, он ждал Сашу напротив академии, на набережной, у сфинксов. Сашины подружки усмехались и завидовали.

— Все у вас хорошо, только поздно... — как-то сказала Саше одна девица.

— Почему поздно? — удивилась Саша. Она решила, что подружка намекает на ее возраст. Но сейчас, в двадцать шесть, девушка чувствовала себя куда моложе, чем в шестнадцать. Она необыкновенно похорошела, и это всем бросалось в глаза.

— Ну, почему... — ядовито усмехнулась та. — Ты через пару месяцев уедешь в свою Москву, а ему тут еще лет пять париться. Или ты решила нагуляться под конец?

Слово «нагуляться» больно резануло ей слух. Значит, так это выглядит со стороны? «А как это может выглядеть? — спрашивала она себя. — Действительно, как сошлись, так и разойдемся...» Но стоило только всерьез по-

думать, что скоро придется расстаться, как ей становилось очень горько. Саша и сама не представляла, до какой степени привязалась к этому парню. И ей страшно было подумать, что любовь — вот она, но только придется от нее отказаться...

Однако Федор быстро разрешил все ее муки. Когда Саша намекнула, что скоро ей придется уехать в Москву, он на секунду задумался, а потом заявил, что поедет с нею.

— Если хочешь, конечно, — добавил он.

— А как же учеба? — Саша все еще не понимала, что он говорит серьезно.

— Ну, подумаешь... В Москве куда-нибудь поступлю, — беспечно отмахнулся он.

У Саши было еще много сомнений и вопросов. Если Федор едет с нею, то жить у родителей им будет нельзя. Там тесновато, да и как они отнесутся к такому прибавлению? Значит, нужно снять жилье. Для этого нужны деньги, да и вообще, надо как-то зарабатывать на жизнь... Кто же будет это делать? Она или Федор? И потом... Раз уж дело пошло всерьез, то как быть с женитьбой? Оформлять регистрацию в ЗАГСе или жить так?

Она посоветовалась с Федором только насчет последнего вопроса, и он тут же ответил, что распишется с удовольствием, а если нет, то «может жить и так». Наступило лето. Саша успешно защитила дипломную работу, упаковала несколько ящиков со своими вещами и отправила их в Москву в багажном вагоне. А затем они с Федором уехали на утренний поезд, и через восемь часов Саша увидела, наконец, лица своих родителей.

Однако, особой радости на их лицах как-то не наблюдалось. Конечно, мать обняла Сашу, отец ее поцеловал... Но оба держались как-то скованно. Им очень мешал Федор, который ни на шаг не отходил от невесты и по обыкновению, улыбался.

ОТРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

— Я вам говорила по телефону... Это Федя, — девушка и сама глуповато заулыбалась.

Родители все же взяли себя в руки. Только поздним вечером, когда Федор удалился в ванную, на девушку надели с расспросами.

— Он что — надолго здесь обоснуется? — громким шепотом спрашивала мать. — У вас что — всерьез?!

— Да. — Саша взглянула на отца, ожидая хоть какой-то поддержки, но тот явно избегал ее взгляда. Дела были плохи, и девушка впервые поняла, что Федор здесь и впрямь, лишний. — Но он ведь будет жить в моей комнате.

— Слушай, ты уже не маленькая, — подал голос отец.

— Это что за архангельский сувенир? Здоровый ребенок, кто его будет кормить?!

— Он устроится на работу! — защищалась Саша.

— Кто его возьмет без прописки?

— Ну, почему без... — нерешительно произнесла она. И тут скатилась лавина. Мать, уже не понижая голоса, поклялась, что этот парень пропишется здесь только через ее труп! А отец добавил:

— Мы не так богаты, чтобы подарить ему полквартиры! Другой у нас нет!

— Ну почему подарить.. — Саша уже плакала. — Вы и не заметите...

— Не заметим, как он подаст на развод и отсудит себе одну комнату! — отрезал отец. — Нет, милая, живите вместе, если уж так хотите... Но его тут никто не пропишет. И я с ним на этот счет прямо поговорю. Пусть не рассчитывает!

Федор вел себя на удивление спокойно. Казалось, его ничуть не трогало такое негативное отношение родителей невесты. К Сашинуму удивлению, он продолжал обнаруживать хозяйственные таланты. В частности, застеклил

балкон — один, без посторонней помощи. После этого отец его почти зауважал, но мать по-прежнему держалась твердо. Она или не говорила с ним, или цедила сквозь зубы: «заправьте постель», «уберите за собой», «закройте окно» и тому подобное.

Через месяц Федор засобирался в Архангельск. Сашу он с собой не брал — не было денег. Эту поездку, кстати, тоже финансировали Сашины родители. Они дали денег на билет с великой радостью — надеялись, что парень уже не вернется. Но не прошло и десяти дней, как Федор появился в Москве и уже официально, при родителях, сделал Саше предложение. Она ответила «да», стараясь не видеть, какие при этом глаза у мамы. Отец к тому времени уже соблюдал нейтралитет. Он успел заметить, что руки у будущего зятя золотые, а значит, тот как-нибудь прокомит себя и жену.

Молодые прожили с родителями до самой зимы. Федор прописался — и не через труп тещи, как было обещано, а самым обычным образом, без уголовного и членовредительства. Саша нажала на отца, тот — на жену, и заявление о прописке в конце концов подписали все. Парень устроился работать на малое предприятие, изготавливавшее деревянные двери и окна. Ни о какой учебе, ни о каком ваянии уже и речи не было. Зато он зарабатывал достаточно, чтобы снять, наконец, отдельную квартиру.

Только теперь Саша поняла, что значит свобода. Она больше не зависела от родителей — жила отдельно, на деньги мужа. И наконец-то, почувствовала себя взрослой. Угнетало ее лишь одно — она никак не могла заработать что-нибудь сама. Из Питера прибыло два ящика с ее студенческими картинами. Ни одну из них Саше пока не удалось продать. Их не брали на реализацию в художественные салоны. Ими не заинтересовались частные коллекционеры. Стоять на улице и продавать картины самой...

ОТРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Может, Саша пошла бы и на это, но она прекрасно понимала, что в таком случае нужно выставить что-то попроще, подходчивей. Например, зимний закатный пейзаж — алый, будто кровь. Или речку с березками. Об этом ей как-то намекнул и отец. Дочь грустно ответила:

— Ты, пап, прямо как Хрущев.

— А что Хрущев? — обиделся отец.

Саша рассказала ему известный эпизод о том, как Хрущева привели на выставку и подвели к полотну Фалька. «Что это?» — спрашивает Никита Сергеевич. «Обнаженная» Фалька», — отвечают сопровождающие. Генсек поморщился: «Что ж он, какую-то голую Фульку нарисовал... Неужели бабы получше не нашлось? И вообще, нарисовал бы лучше что-то возвышенное. Например... Лес в зимнем убранстве!»

До «леса в зимнем убранстве» Саша унижаться не собиралась. Всю весну она упорно работала, надеясь, что рано или поздно картины начнут продаваться. Но никакого заработка не было. Только пару раз ей случайно подкинули работенку — какие-то хорошие родительские знакомые получили наследство. Среди прочих предметов старины они унаследовали также и картины. И вот, чтобы поддержать начинающую художницу, они принесли ей на реставрацию пару пейзажиков конца девятнадцатого века. Картины были очень посредственные, нестоящие, и работы с ними было немного. Но заработала Саша почти триста долларов, и это ее подбодрило. Она могла хотя бы заплатить за свои краски, холсты и подрамники... Ведь живопись — удовольствие очень дорогое.

— Ничего, — утешал ее Федор. — Как-нибудь перебьемся.

Саша счастливо прижималась к нему и закрывала глаза. Прошел год, как они жили вместе, и она поражалась, неужели ей и дальше будет так же хорошо?! Она гла-